

МАРУСЯ СВЕТЛОВА

Фотографии 10 на 15...

Маруся Леонидовна Светлова
Фотографии 10
на 15... (сборник)
Серия «Рассказы для души»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34049105

Аннотация

Книга из серии «Рассказы для души»

Книга «женских» рассказов – историй, навеянных фотографиями, хранящимися в шкафу у каждой женщины...

Содержание

Люди, люди, люди...	4
Девочка из фильма	34
Медвежонок в Пути	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Маруся Светлова

Фотографии 10 на 15...

Люди, люди, люди...

Лицо на фотографии было очень знакомым, но кто это был, из какой ее жизни?

Вера так и застыла с карточкой в руках, силясь вспомнить – кто же это мог быть? Сотрудница с какой-то из бывших ее работ? Клиентка? Но почему сфотографирована отдельно, крупным планом и улыбается в камеру, как своя? Может, подруга какая-то давняя, которую она уже и забыть успела?

И так интересно вдруг стало – кто же это, – что она принялась изучать эту фотографию словно криминалист: где это снято, какие предметы попали в кадр, может, какая подсказка будет?

И подсказку эту она увидела скоро – угол черного шкафа с ровными рядами книжек, стоящих по росту и, казалось, подобранных по цвету. Вера неожиданно узнала в нем свой собственный шкаф, ее это были книги – так аккуратно, ровно она всегда их выстраивала. И какая-то игрушка, частично попавшая в кадр, вспомнилась ей – забавный человечек, сшитый из драпа, подаренный – когда? кем? – давно она это забыла. И, получилось, что женщина эта, радостно улыбаю-

щаяся с фотографии, – стояла в ее, Вериней, комнате, которая была когда-то вот такой – кабинетом со строгой черной мебелью. И было это лет пятнадцать назад. Но кто такая эта женщина – Вера совершенно не помнила. И факт этот ее обескуражил: это как же так – у нее в альбоме хранится фотография какой-то женщины, как видно, близко знакомой, но она об этом ровным счетом ничего не помнит?!

И она даже забеспокоилась – с ней все в порядке? Что с памятью-то? И фотографию эту в сторону отложила – мол, я с ней потом разберусь, в альбом пока убирать не буду...

Эта идея – переложить все фотографии в новый альбом – пришла к ней из-за ее стремления все содержать в порядке. Многочисленные разношерстные альбомчики с фотографиями, собранными за годы жизни, стопкой лежащие на полках, придавали комнате неряшливый вид. Поэтому, увидев в магазине большой, солидный, красивый альбом для фотографий, она решила переместить в него все снимки, расположив их в порядке поступления: с момента своего рождения по сей день, посчитав, что так и удобнее будет, и правильнее. И она с удовольствием разглядывала старые снимки, раскладывала их по годам, и «споткнулась» об этот кадр – невесть кого запечатлевший.

Вера посмотрела на альбомчик, из которого фотографию эту достала, размышляя, к какому жизненному периоду он относится, надеясь вспомнить женщину. Но в том отрезке своей жизни не помнила Вера ее. И подумала:

«Вот ведь жизнь какая странная: живешь, живешь, с людьми общаешься, домой их приглашаешь, о чем-то с ними говоришь, а потом не можешь вспомнить — кто это...»

Она опять отложила фотографию, как бы смирившись с тем, что не может вспомнить эту женщину. И тут же вспомнила.

Это была... Как же звали ее? Ирина? Марина?.. Нет, имя было какое-то необычное, не часто встречающееся... Кристина! Это была Кристина. И имя это, редкое, всплывшее в ее памяти, тут же образ ее и напомним. Это была девушка с курсов иностранного языка, они подружились, когда в одной группе английский учили экспресс-методом, и Вера позвала ее к себе домой, когда нужно было к 23 февраля готовить поздравления мужчинам их группы. Она тогда всех женщин группы к себе пригласила, только пришла одна Кристина, — у всех оказались дела неотложные.

И воспоминание это вдруг так ее обрадовало — значит, все у нее с памятью в порядке. А что Кристину забыла — так немудрено, знакомство-то было недолгое, так, подружили немного и разошлись по жизни. Был этот человек незначимый в ее жизни, потому она ее и не помнила.

Вера собралась положить карточку в альбом, да задержалась на мгновение: может, и не класть совсем? Не обязательно же хранить фотографии всех людей, которых ты по жизни встретил.

И почему-то вспомнился ей тот вечер, когда они с Кри-

стиной поздравление готовили. Сколько смеха было, когда они придумывали диалоги, сценки, в которых каждый мужчина их группы был представлен. И сколько серьезности было, когда начали они все эти диалоги и тексты на английский переводить. А потом они пили чай, и Кристина рассказывала ей что-то увлекательное. Что-то о загранице, которая была тогда для Веры запредельной мечтой.

«О чем Кристина рассказывала, о какой стране?.. – подумала она, и тут же вспомнила: – О Хорватии она рассказывала. Ну как же, о Хорватии!.. Так увлекательно рассказывала, с восторгом...»

Именно туда два года спустя Вера и отправилась. Почему-то так получилось, что когда появилась у нее возможность поехать отдыхать, выбрала она не Турцию, не Египет, куда все летали, а Хорватию. Хотелось именно туда съездить, привлекала ее эта страна почему-то.

«А ведь получается, что это Кристина интерес к ней вызвала», – подумала она.

И мысль эта – о случайности и неслучайности такого выбора – как-то взволновала ее.

Оказывается, это легкое, недолгое знакомство с женщиной имело продолжение в ее судьбе, мало того – принесло ей самую настоящую пользу.

Ведь поездка в Хорватию стала в жизни Веры настоящим событием. Столько радости, удовольствия, свободы, комфорта она никогда не испытывала. Она провела там две вол-

шебные недели, влюбившись в эту страну, в ее бирюзовое море, горы, сосны, марины.

Там она впервые попробовала устриц. Там с неописуемым наслаждением, сидя в летнем кафе в плетеном кресле с белыми подушками, ела потрясающе вкусное спагетти с морепродуктами.

Там... Вера покачала головой – о Хорватии она могла говорить долго, вспоминала ее часто. В прошлом году повторила поездку, получив истинное наслаждение от жизни на маленькой вилле, расположенной в зеленом парке на берегу моря.

«Вот так Кристина! Вот так незнакомая женщина! Вот тебе и шапочное знакомство!...»

И странно ей стало – как так получилось, что такой вот «случайный» человек такую прекрасную роль сыграл в ее жизни?

Вера погладила фотографию, словно Кристину поблагодарила, и положила снимок в альбом, словно получил он подтверждение на право занять в альбоме свое место.

А потом подумала Вера: «Надо в новом альбоме для таких вот особенных людей, которые для меня что-то хорошее сделали, завести несколько отдельных страниц, сюда их фотографии расположить. Сделать такую доску почета, – улыбнулась она своему решению, – для лучших из лучших...»

Фотографию Кристины она отложила отдельно, чтобы потом вместе с фотографиями таких людей, которые какую-то

пользу ей принесли, расположить на «доске почета».

И решила повнимательнее рассматривать на фотографиях не себя, а других людей, которые были на них изображены, вспоминая их участие в своей жизни.

Она открыла старый альбом с фотографиями студенческих лет – и ее заполнили противоречивые чувства. Столько тепла она ощутила – и к годам этим, и к сокурсникам. И словно холод прошел по ее телу от неприятного воспоминания.

Она взяла крупный снимок, не помещающийся в альбоме, выступающий за его края, – групповой снимок студентов их курса. Сейчас трудно было узнать кого-то среди этих молодых лиц, да и слишком много их было на фотографии. Но хотелось ей найти на этом общем снимке лица трех девочек, с которыми дружила, с которыми жила в одной комнате в студенческом общежитии. Но сложно было это сделать.

И подумала неприязненно: здесь, на фотографии этой есть и лицо того парня, подлеца, который обидел ее, девчонку неопытную, доверчивую, – изнасиловать хотел. Это случилось, когда выезжали они на практику, и он приставал к ней, оставшейся одной, простуженной и потому не вышедшей на работу. Приставал жестоко, не обращая внимания на сопротивление, на просьбы и слезы. И обидел бы ее по-настоящему, если бы кто-то из студентов не вернулся – дверь хлопнула, и он мгновенно исчез, словно и не было его. А она потом неделю плакала, и все желание жить потеряла, разо-

чаровавшись сразу во всем: и в мужчинах, и в жизни, в которой такая жестокость есть, и в самой себе, которая за себя постоять не может.

И вспомнила опять девчонок своих, с которыми в одной комнате жила, с кем по утрам завтракала она гречневой кашей – дешевой студенческой едой, делилась переживаниями, менялась одеждой, чтобы гардероб свой разнообразить. Вспомнилось, как утешали они ее, как, собравшись вместе, наперебой, говорили:

– Ну ты чего?! Ну забудь! Подлец – он и есть подлец, его за это бог накажет... А ты – живи дальше. Жизнь же не кончилась от того, что он к тебе приставал... Ведь все хорошо закончилось, могло быть и хуже... И дальше все у тебя будет хорошо... Парень хороший найдется, добрый, чистый, не то что эта мразь...

А она только плакала слабо, устало от своих переживаний. А потом – постепенно успокоенная, поддержанная разговорами этими – и правда забыла обо всем, как о страшном сне, и обидчика своего в упор не замечала, даже когда приходилось в одной аудитории на лекции встречаться...

И сейчас, глядя на снимок, где присутствовал и обидчик ее, и подружки, подумала: «Как же в жизни все уравновешено: обидели меня – и тут же подержали, дали силы жить...»

И с таким теплом о девочках этих подумала, которые давно стали взрослыми женщинами, о жизни которых она ничего не знала. Но поняла сейчас, как важна была тогда их под-

держка. Ведь она, молодая и чистая, натворить что-то могла от отчаяния: институт бросить, в мужчинах разувериться, отчего вся жизнь ее могла по-другому сложиться. И подумала тепло: «Девочки мои хорошие, спасибо!»

И фотографию отложила, новую в руки взяла – все того же, студенческого времени, на которой были друзья ее, молодая пара – муж и жена, с которыми была она в то время очень дружна. Учась на старших курсах, жили они в соседних комнатах в общежитии. Потом, когда молодожены сняли маленькую квартирку, Вера частенько заезжала к ним, оставалась ночевать.

Были они интересной, необычной парой. Она была маленькой и мудрой женщиной, все сглаживающей, всех успокаивающей, любящей и хвалящей своего Алешку за любую мелочь. И подумала вдруг Вера: как пригодился ей потом этот пример отношения к мужу, когда она сама вышла замуж. Сколько раз она, как Света, говорила мужу:

– Ты молодец! Как бы я без тебя справилась! Какой ты у меня хороший! – понимая: правильно так с мужчиной разговаривать. И сколько ссор с мужем они благополучно пережили только потому, что Вера смотрела на ситуацию Светиными глазами или думала: «Как бы Света сейчас поступила?..» Так сильно было в Свете умение всех примирять, успокаивать, находить компромисс, договариваться, что даже в чужой семье это работало.

Алешка был другой – большой, громкий, ершистый, по-

стоянный спорщик и опровергатель всех существующих мнений.

Однажды, зайдя в ее комнату в общежитии и застав ее за чтением газеты, спросил:

– И что это ты делаешь?

– Как что? – удивилась Вера, – газету читаю...

– Зачем? – спросил он, как бестолковых детей спрашивают.

– Как зачем? – не поняла она его вопроса. – Чтобы быть в курсе всех новостей...

– И чего нового ты хочешь в них найти? – спросил он все так же иронично и рукой показал на стопку газет, тогдашних «Известий», «Правды». – Что нового может быть в этих газетах?

Она не ответила ему – не знала, что ответить. Сказала только:

– Но ведь все нормальные люди газеты читают...

– А кто сказал, что они – нормальные? – спросил Алексей и добавил: – И разве ты – все?! Ты – это ты. Вот и живи своим умом и своей жизнью!

И не раз приводил ее в полное замешательство, лишая каких-то общепринятых правил, заставляя думать по-своему.

«Хлеб всему голова» – читал он лозунг в газете и говорил:

– А почему хлеб, а не мясо или молоко?

И она, Вера, закипала, возмущенно доказывая, что, конечно же, хлеб, а что же еще?! А он в ответ говорил ей:

– Ты своей головой думай, а не как все. Все это до тебя придумали и тебя не спросили – согласна ты с этим или нет. Если ты согласна с тем, что хлеб всему голова, – то это твое мнение. А если ты его как овца бездумная повторяешь, то это чужое мнение. Разницу чувствуешь?

И как часто потом в жизни она вот так задумывалась: а я как думаю? Я с этим согласна или нет? Мое это мнение или чужое? И это была его, Лешки заслуга – провокациями своими научил защищать свою позицию, думать по-своему, не как все. И не быть как все – этому он тоже ее научил. Вера опять подумала, уже привычно благодарно: «Спасибо, Лешка».

И фотографию с их изображением тоже отложила в сторону – ценные это были люди, важные в ее жизни.

А потом взяла в руки фотографию, давно забытую, с того давнего лета, когда она – студентка-третьекурсница, пережив сильную и просто разрушившую ее влюбленность, обиженная, да еще оставшаяся без стипендии, – осталась в городе, чтобы подработать, и устроилась машинисткой в маленькую фирму. Чувствовала она себя тогда очень одинокой, растерянной в огромном городе, не понимая, как дальше жить. И мотало ее внутри – от мыслей об уходе из института или переводе на вечернее отделение, хотелось бросить все и уехать домой...

И однажды, отправляясь на обеденный перерыв, Вера оказалась рядом с девушкой чуть старше Веры, работающей с

ней в одном отделе. Звали ее Настей, она всегда была спокойной, доброжелательной, и связывали их только рабочие отношения.

Но в тот раз, встретившись с Верой глазами, Настя, сказал:

– Ты на обед? Пойдем вместе!

Спускаясь со ступенек, взяла Веру за руку, как подругу, и пошла рядом, рассказывая что-то, о чем Вера сейчас не помнила, да и тогда вряд ли осознавала. То, что другой человек, почти незнакомая девушка просто так взяла ее за руку, она восприняла как проявление такой настоящей поддержки, такого человеческого участия!

Прикосновение ладони и то, как Настя пальцы ее своими пальцами переплела и будто повела за собой, на время взяв на себя ответственность за нее, вызвало у Веры такое жгучее, такое сильное душевное потрясение, будто девушка рукой своей, взявшей ее ладонь, обняла ее всю, к себе прижала, всю с собой соединила и от одиночества отгородила. И она шла рядом с Настей молча, отвернув в сторону лицо, чтобы Настя не видела слез, поневоле выступивших на Вериных глазах. Шла, даже не понимая, о чем та говорит, оглушенная состоянием этим – такой поддержки, такой опоры, которая рядом с ней появилась и в которой она так нуждалась...

А девушка эта просто привыкла ходить так, за руку, с младшей сестренкой, а потом и с подругами. И для нее в этом не было ничего особенного – просто акт принятия, хо-

рошего отношения. Но изголодавшаяся даже по такому отношению Вера была ей за это так благодарна!

И потом не раз вот так, взявшись за руки, они ходили обедать в ближайшую столовую, где можно было за двадцать пять копеек взять бульон и пирожок, а потом до конца обеденного перерыва, они просто сидели на лавочке в сквере напротив их работы и болтали.

Возвращались обратно на работу тоже взявшись за руки, как близкие подруги, как сестры. Каждый раз Вера получала наслаждение от ощущения руки этой, которая ведет ее, которая держит ее... И уже сама, выходя с Настей на улицу, брала ее за руку и вела, словно в ней самой появились какие-то силы, уверенность в себе.

А потом случилась неприятная для Веры ситуация. Дядька-начальник (именно так она называла его про себя) – грузный немолодой мужчина, с никогда, казалось, не мытыми волосами, пригласил ее в кабинет, предложил сесть на стул, поставленный почти рядом с его стулом, и, протягивая ей конверт: «Это тебе премия...», неуклюже, но с каким-то сладострастием положил руку ей на колени и рукой этой, влажной, сжал колено. Это произошло так неожиданно и так быстро, что Вера вскочила и от возмущения словно дара речи лишилась, только головой мотала... Отбросив конверт, выбежала она из кабинета – на улицу, боясь, что все сейчас увидят, что с ней произошло. И так ей было стыдно от всего этого, словно это не начальник, а она его домогалась, деньги предлагая.

Она только вечером, после работы, рассказала об этом Насте, рассказала, тактично подбирая слова, сомневаясь – надо ли рассказывать. При всем ее отвращении к начальнику стыдно было ей, что об этом узнают и что о нем самом подумают.

– Ха-ха-ха, – неожиданно расхохоталась Настя, поняв, о чем говорит Вера. – Девочка моя, да не обращай ты внимания! Он просто старый козел, – весело продолжила она. – Не к тебе первой подкатывает. Все это знают, но делают вид, что не знают.

Пока Вера молча перерабатывала эту информацию, Настя продолжала:

– На самом деле он неплохой мужик. Просто одинокий очень – жена от него ушла несколько лет назад к какому-то красавцу, вот он и переживает. И, видно, после этого очень в себе как в мужчине сомневается, не верит, что кто-то его просто так может любить, уважать, – вот он всем сначала конверт с «премией» и предлагает...

Посмотрев на молчащую Веру, она добавила:

– Да ты не переживай, он больше не будет... Он же умный мужик, видит, что обломался, больше не полезет... И относись с жизни и поступкам людей попроще – и поглубже...

Вера, удивленная последней фразой, переспросила:

– Это как же: попроще, но при этом поглубже? Противоречие какое-то получается...

– Да нет никакого противоречия, – так же весело сказа-

ла Настя. – Не принимай все так близко к сердцу, словно какое-то важное и страшное событие. Ну случилось то, что случилось, ничего страшного на самом деле не произошло. А в корень, в причины события посмотреть надо. Люди иногда самые ужасные поступки совершают не потому, что сами плохие, а потому, что им самим плохо.

Вера глубоко задумалась над этими словами, соглашаясь, что так оно и есть. Именно тогда, когда самому человеку плохо, одиноко – он такого натворить может!..

Сейчас Вера словно заново осознала всю Настину мудрость, и тот незаметный, но такой сильный вклад в нее, Веру, ту столь необходимую ей поддержку, которую Настя тогда дала – легко, сама не осознавая. А Вера после лета этого вернулась в институт полной сил, не сомневаясь в своем выборе, желая учиться, и словно исцеленная от своего одиночества и вылеченная от безответной любви. И потом часто, размышляя о поступках людей, вспоминала: люди иногда плохие поступки совершают, потому что им самим плохо.

Глядя сейчас на фотографию, на которой они с Настей улыбались в камеру, Вера подумала: «Это фото – только на доску почета!»

А потом, открыв маленький альбом, наполненный фотографиями ее молодости, обрадовалась встрече с Валюхой – подругой ее, с которой познакомилась в больнице, оказавшись на соседских койках. Были они тогда две молоденькие студентки, обе иногородние, попавшие в больницу по глупо-

сти: одна, научившись курить, курила на лестнице, где всегда гуляли сквозняки, вот и докурилась – почки застудила. Другая – из желания помодничать, пофорсить, бегала на занятия в институт в туфлях на каблуках, когда все уже сапоги надевали, и вот – добежалась до больничной койки.

И целый кусок жизни вспомнила она: как подружились с Валюхой, обнаружив, что обе они живут в общежитии, обеим парни предлагают замуж выйти. Вспомнила, как та учила ее вязать спицами, терпеливо объясняя, как делать расчет петель или сложный узор вывязать. Вспомнила свадьбу свою, на которой Валя была свидетельницей, и неугомонный характер подруги, когда хватало ее на все – и тосты произносить, и плясать смело, озорно, и, когда гости из-за столов на танцы вставали, – ловко со столов посуду грязную убирать. И тетю свою вспомнила, как та улыбнулась, на Валю указав: – Это кому ж такое счастье достанется?

Вера не сразу даже поняла – в чем счастье-то? А счастье в том и было, что была Валюха хорошей хозяйкой, сноровистой, аккуратной, рукастой, и как многому она ее научила! Научила готовить, делать пышное тесто, лепить пельмени и вареники, красиво зачищая края, чтобы получить рельефные ребрышки.

И опять возникло странное ощущение: куда же, когда, почему исчезла Валя из ее жизни? Почему не продлилась их дружба? И сама ответила себе: потому что жизнь на месте не стояла. Валя по распределению в другой город уехала, там

замуж вышла. И редкие их звонки, письма как-то незаметно прекратились, и она даже не заметила потери, потому что новые люди вошли в ее жизнь – коллеги, соседи, а после рождения дочери – воспитатели, родители других детей.

Мама одной из девочек, с кем она подружилась, ожидая дочь с занятий по плаванию, научила ее вязать крючком, дополнив ее рукодельные умения. И занятие это, которое сначала было просто возможностью скоротать свободное время, стало увлечением всей ее жизни. С той поры она, что называется, не выпускала крючка из рук и вязала все: платья, шали, шторы, палантины, покрывала, открывая для себя целый мир этого удивительного творчества. И все благодаря тому, что давно забытая ею женщина когда-то научила ее держать в руках крючок.

Мама ее новой подруги научила Веру делать очень вкусные котлеты, поделившись своим секретом, как нужно фарш взбивать, чтобы получились они пышными, нежными на вкус. И опять – так удивительно осознавать, что какая-то женщина, с которой она и знакома-то была несколько минут, научила ее тому, что она потом в своей жизни постоянно использовала и чему свою дочь научила.

Так, незаметно для нее самой, люди учили ее новым навыкам, умениям, которые ей и по сей день пригождаются.

Соседка по лестничной клетке научила ее делать салат оливье – не как у всех, а заменяя традиционную колбасу мелко нарезанной вареной говядиной, со свежими огурчиками,

зеленым лучком. Какой прекрасный вкус был у этого салата! И она с тех пор только так его и готовила.

Подруга свекрови, работавшая в рыбном отделе магазина, приносила им вкусную рыбу, которую тогда днем с огнем было не отыскать, и научила Веру резать ее тонкими прозрачными ломтиками.

А какая-то другая женщина, уже забытая ею вовсе, показала, как тоненькие эти ломтики рыбы можно сворачивать в розочки. А сотрудница Верина, рассказывая о своем дне рождения, поделилась, что все нарезки она на свежие салатные листья выкладывает и получается так эффектно!

Потом долгие годы, когда Вера к приходу гостей праздничный стол накрывала, ставила она на стол красивое блюдо с розочками из рыбы, лежащими на ярко-зеленых кучерявых листьях салата, и все вокруг ахали: «Какое прекрасное блюдо!»

И подумала она с благодарностью: «Люди... Милые люди! Забытые, потерявшиеся где-то в жизни – как много вы мне дали!» Впервые в жизни Вера с удивлением поняла: она родилась, появилась на этот свет, ничего не зная и ничего не умея. Всему, что она умеет и знает сейчас, ее научили люди. Научили и читать, и вышивать, и готовить, и водить машину, и печь блины, и клеить обои... Всему этому ее кто-то учил – вот так, рассказывая, показывая на примере, объясняя, просто делясь чем-то таким, что сам умел делать... И уже не вспомнить, от кого и что она получила, кто какой вклад в ее

жизнь внес, но каждый человек на ее пути жизненным действительно чему-то ее учил. Вывод этот был таким неожиданным, что она подумала: «Тут впору весь альбом делать одной доской почета...»

И, взяв другой альбом, достала наугад фотографию и тут же, ощутив то время, ту жизнь, в которой жила, сразу узнала парня, стоящего рядом с ней на крыльце здания на фоне вывески с названием организации.

«На открытии офиса сфотографировались», – вспомнила она.

Это был Игорь Масленников, молодой человек, лет на пятнадцать ее моложе, с которым она познакомилась в театральной студии, куда продолжала ходить, проживая не лучший период своей жизни, находя в ней просто душевное утешение. Однажды, встретившись на репетиции, поделилась она грустно тем, что нелегкие времена переживает. И он поддержал ее в сложной ситуации, когда она, взрослая женщина, пережив развод, потеряв работу, растерялась перед трудностями жизни.

Он помог ей устроиться на работу, поговорив со своими друзьями, открывающими фирму, убедил найти для нее место и позвонил ей, просто сказал:

– Выходите с понедельника на работу... Адрес записывайте...

Так, неожиданно для нее самой, пришла к ней поддержка от человека, с которым она была едва знакома. И Вера обре-

ла работу, которая дала ей возможность в трудные времена нормально зарабатывать и любовь свою встретить.

Вера словно только сейчас осознала роль этого человека в своей судьбе: «А ведь если бы не Игорек – я бы Володю не встретила... Получается, что он сделал для меня гораздо больше, чем просто на работу помог устроиться...»

Любовь свою она встретила в этой организации. Владимир работал в соседнем отделе, и очень быстро их рабочие отношения, редкие встречи на планерке или в столовой переросли в бурный и страстный роман. Это была какая-то невероятная любовь, в которой горели они оба, не представляя, как можно жить друг без друга, но при этом именно так и жили. Он был женат, периодически, как сам говорил, находился на грани развода. Да только никак через эту грань не перешагивал. И даже страсть их, глубокие, очень близкие отношения никак не помогали ему эту грань преодолеть...

– Давай не усложнять жизнь, – говорил он Вере. – Все эти разводы, разъезды – такая катавасия... Чего тебе не хватает? Ведь все же хорошо!..

И Вера замолкала, не в силах сказать, что ей многого не хватает. Что ей его не хватает, особенно когда он к жене вечерами возвращается... Но сама все никак не могла отношениям этим конец положить, отношениям, которые наряду со страстью, радостью давали и чувство унижения, неуверенности в своей значимости для него...

Вера вдруг вспомнила то, что давно уже забыла. Мальчи-

ка, который ей тогда помог выбор сделать. И, вспомнив, начала фотографии в альбоме пересматривать, в надежде его найти. И нашла один из давно забытых снимков, сделанных во время корпоратива: несколько сотрудников за праздничным столом, среди которых была и сама Вера, и мальчик этот. Как его звали? Не могла она вспомнить. Он работал в соседнем отделе простым курьером.

Однажды, видя их отношения, которых они и не скрывали (разве такое скроешь? все видели их, уходящих вместе с работы или приходящих иногда вместе на работу), с детской своей открытостью спросил ее:

– А вы Владимира Николаевича любите?

И она ответила:

– Да! – И добавила: – Очень!

– А когда вы женитесь? – спросил он, и она задохнулась от этого вопроса, как будто ее воздуха лишили. В горле что-то сжалось, и сердце словно окаменело в одно мгновение, найдя в себе ответ. Никогда они не женятся. Вернее, никогда он на ней не женится. Она отвернулась, чтобы не видел мальчик лица ее, и ничего не ответила. Потом, поняв, что он ждет ответа, покачала головой.

– Почему? – настойчиво спросил он, и Вера только улыбнулась грустно. Что она могла ответить ему? Что это она любит его всем сердцем и за ним – на край света, а он ради нее, ради того, чтобы быть с ней – полностью, всегда, – не может пойти даже на то, чтобы жизнь свою даже временно услож-

нить. Поэтому – никогда они не будут вместе...

И мальчик этот вопросом своим – открытым, искренним, детским – так больно ее тронул, словно заставил на эту правду посмотреть, помог так же открыто, честно ответ увидеть, который на самом деле она знала. Знала – и не хотела знать.

Никогда они не будут вместе, никогда. Надежды нет, таков был ответ.

И после него уже никак не получалось себе врать, делать вид, что у них все хорошо, что ее такие отношения устраивают. Она ясно осознала, словно впервые: не устраивают ее такие отношения! Она хотела, чтобы за ней тоже – на край света хотели уйти. Не то что грань переступить...

Вслед за честным этим ответом пришло такое же единственно честное решение. Она рассталась тогда с тем мужчиной. Иначе страдала бы, наверное, еще долгие годы.

«Милый мальчик, спасибо тебе за чистоту твою, – подумала она, глядя на фотографию. – Какой же это был прекрасный мальчик, – с благодарностью подумала она. – Спасибо, что остановил этот не имеющий будущего роман...»

И снова удивилась: «Вот как получается: один человек помог мне любовь свою найти и любить, и гореть в любви этой. Другой человек – помог выйти из этой любви, которая разрушать стала, а не созидать, унижать, а не возвышать... Ну, люди... Вот так вклад в мою жизнь! Один в любовь отправил, другой из нее вывел... Ну, люди...»

И слов у нее больше не было...

Отложив эту фотографию, опять взяла в руки альбом, не выбирая – мол, посмотрим, что тут меня ждет. И, не глядя, вытянула очередной снимок из альбома. И никого там не узнала и узнать бы не могла. Был это снимок церковного двора, заполненного людьми, только головы людские на фоне белого храма с золотыми куполами. Но она знала: там, в этой море голов есть и голова Тани – имя ее она хорошо запомнила. Она была сестрой Вериной знакомой, которую знала Вера всего две недели – отдыхали на турбазе в соседних домиках. Обменялись они тогда адресами на случай – вдруг пригодится. Приехала Таня в их город на мероприятие – на торжественную службу в храм по случаю какого-то важного церковного праздника. И появилась перед Верой, открывшей дверь, неожиданно, без звонка, без какой-то договоренности. И сказала просто:

– Здравствуйте, я сестра Лены из Ленинграда, с которой вы на турбазе познакомились... Мне на несколько дней нужен приют в городе. Можно у вас остановиться?..

И Вера, пораженная этой «простотой», даже не зная, что и ответить, в квартиру ее пропустила. И потом не удержалась, спросила:

– А что же вы так, заранее не предупредили? А если бы меня дома не оказалось?

– На все божья воля, – тихо и смиренно ответила гостя. – Другие бы добрые люди нашлись... Бог в нужде не оставит.

И такая твердая вера прозвучала в ее словах, что и возра-

зить было нечего.

Таня была верующей – истинно, глубоко верующей. Была она первой верующей, встреченной Верой в жизни и просто оглушила ее, потрясла своей верой – во что, в кого? – поражаюсь тогда не верящая ни во что Вера.

А та говорила просто:

– У тебя имя такое, что ты верить обязательно должна. Кому, как не тебе, верить, в бога – спасителя нашего милосердного...

А для Веры все это было непонятным набором слов. Но так была она удивлена ею, так поражена этой искренней верой в непонятно что, так удивляло, что человек для того, чтобы какую-то торжественную церковную службу отстоять, – в другой город приехал.

И при общении в Тане открывалась такая уверенность, стабильность, которой не было в Вере. Было в ней такое принятие жизни и житейская мудрость, что Вера поневоле слушала ее с уважением. А когда поделилась с ней своей историей – любви, которая не закончилась ничем хорошим, услышала в ответ проникновенное:

– Какие твои годы! Живи! Люби! Бог есть любовь – и ты люби, если хочешь в боге жить! Отпусти все, бог ему судья, не ты... А ты – живи дальше! А любить не бойся – только это и надо делать в жизни!..

И на другой день Вера тоже решила пойти на эту службу – ради интереса: что это за служба такая, зачем там на-

до быть, что там такого произойти должно? Таня рассказывала об этом так проникновенно – и о духе святом, который в сердце войдет, и о чувстве благодати, и о мире в душе, что Вера решила тоже это испытать. Ведь чего-чего, а ни благодати, ни мира в душе в ее жизни не было...

Когда пришли они к храму, вся площадь перед ним оказалась заполнена людьми – только головы людские были видны. И Таня, вмиг став еще более погруженной в себя, отстраненно посмотрела на Веру и сказала:

– Просто будь... Молись...

И словно окунувшись в то состояние благодати, о котором и говорила, посветлев лицом – отдалась слушанию службы, которую и не видно было отсюда, только звуки и голоса раздавались над головами людей из громкоговорителя.

Тогда Вера действительно была так чужда всему происходящему, что даже не могла долго там оставаться, не понимая смысла того, что происходит. И, как турист, забредший в какое-то чудное место, выходя из ворот храма, привстав на каменное ограждение, с высоты, чтобы охватить этот заполненный головами церковный двор, сделала снимок на память, как и делают туристы. А вечером, с нетерпением дождавшись Таню, стала расспрашивать – что да как?

И не получила ответа. Смотрела на нее Таня таким светлым, казалось, прозрачным взором, словно действительно пребывая в какой-то неведомой благодати, в духе святом, в которого Вера до сегодняшнего дня и не верила.

Больше они особо и не разговаривали. На следующий день Таня опять пошла на службу. Потом – ездила в разные храмы, возвращаясь одинаково спокойной, благостной и такой тихой, что и говорить с ней было не о чем. Да и о чем тут было говорить?

И тогда Вера впервые столкнулась с тем, что есть в жизни такое, о чем даже говорить не надо. Не передаваемое словами. Это – состояние самого бытия такой глубины или такой высоты, что вся остальная жизнь рядом с ней кажется зряшной, пустой, бестолковой и бессмысленной. Именно такие чувства испытала она, когда Таня уехала, кротко, со светлым лицом проговорив:

– Спасибо за все. Спаси бог! – и ушла, словно ее и не было.

Только она была. И была она таким посланником света, веры – только сейчас это стало понятно. Потому что после знакомства с Таней, после встречи с этими ее состояниями – такой внутренней тишины и какой-то удивительной правды, ради которой и в которой она жила, неминуемо стали приходиться вопросы – о вере, о боге, о том, что же такое происходит с людьми в этой вере, когда благодать входит в их души. После этого и начался Верин поиск бога и своей веры, которую с таким-то именем точно нужно было иметь.

И опять только сейчас, оглядываясь на тот период жизни издалека, из сегодняшнего дня, увидела Вера то, что тогда ей было незаметно. Как после знакомства с Таней, которое словно в ней что-то тронуло, – («Душу мою тронуло!», –

пришло осознание) – начался ее путь к богу.

Она действительно искала его. Будучи по природе умной и рациональной, все понять хотела: чем один бог, один образ бога, людьми созданный, от другого отличается. Чем христианство лучше магометанства или чем баптисты отличаются от классических христиан.

Она ходила в храмы, пытаясь понять, ощутить их атмосферу, пытаясь осознать смысл вековых ритуалов. Она шла к богу сначала через ум, через желание понять концепции, которые несли учителя божьи. Но начало было положено. Начало, которое привело ее к Богу. К переживаниям моментов этой благодати, просветления, к открытому сердцу, с которым она и жила сейчас.

Это начало было положено Таней, оказавшейся однажды перед дверью ее квартиры.

«Благословен тот день, когда она появилась в моей жизни», – подумала Вера.

И сказала фотографии, на которой среди моря людских голов была Танина голова, сказала искренне, от всей души:
– Благодарю, благодарю...

А дальше, перебирая фотографии, вспоминала уже коротко.

Это – сотрудники из педучилища... Вот и она – Наталья Игоревна, вредная и противная старушенция, из-за которой уволилась Вера, не желая подчиняться распоряжениям спесивой и сварливой женщины. Но благодаря этому вышла она

в мир, в поиск себя. И на пути этом встретила Машу, которая стала ее – наставницей? старшей сестрой? С Машиной легкой руки начала обучаться новой специальности, в которой сейчас – профессионал.

И странно было, что вредная эта «старушенция» такую хорошую роль сыграла в ее жизни.

А это молодая женщина, с которой познакомились в санатории. Жили они в одной комнате, часами говорили о любимых книгах, о переживаниях своих душевных. Вечерами приходили они в конец парка, на высокий холм над Волгой, и подолгу сидели на холме и смотрели на реку и молча – в глаза друг другу. И было в их взглядах такое единение, что поняла она в одно мгновение, что такое родственные души. И потом столько раз встречала это в людях, даже угадывала родственную душу среди множества людей. Словно бы только по глазам...

Глядя на улыбающееся лицо свое, вспоминала, что это муж фотографировал в вагоне поезда, когда уезжала она в отпуск к морю.

– Сниму тебя перед отъездом, – говорил он, – потом сравним, какая ты вернешься – загорелая, отдохнувшая...

И хотела уже было снимок отложить, но, увидев попавшую на заднем плане в кадр женщину, привычно всмотрелась в лицо, чтобы вспомнить, узнать, кто это, и обрадованно охнула, словно встретилась со знакомым человеком.

Да это же та женщина, имени которой она не знает, с кем

она даже не познакомилась, находясь в одном купе, – которая показала Вере ее саму со стороны.

Женщина эта, толстушка, существо с двойным подбородком и рыхлым телом, как только заняла свое место в купе, так тут же достала пачку чипсов и начала их жевать, пока поезд еще не тронулся. А когда чипсы закончились, достала семечки, после них – пила чай с вафлями, потом – бесконечно жевала, читая потрепанный женский роман.

И Вера, сначала с улыбкой, иронично наблюдая за постоянно жующей этой соседкой, в какое-то мгновение вдруг с ужасом узнала в ней себя: сама любила вот так с книжкой, за чаем чего-нибудь пожевать. И своя привычка эта не казалась ужасной. Но, наблюдая со стороны, как бесконечно жует эта женщина, видя ее бесформенные телеса, пороссячи глазки, Вера подумала с ужасом: «Я такая же! Господи, это же я так делаю! Господи милостивый, это же я скоро в такую разжиревшую тетку превращусь!»

И отвращение так ее пробрало, что в одно мгновение излечилась она от этой привычки и остаток пути до моря ничего не жевала, и потом, валяясь на пляже, читая роман, ничем его не «закусывала», не покупала больше никаких сухариков, пирожков, чипсов, семечек – ничего!

«Во дела, – подумала она сейчас, – получается, что даже незнакомый и неприглядный человек меня чему-то хорошему научил!..»

И подумала с удивлением: почему раньше, просматривая

фотографии, толстушку эту не замечала? И ответила легко: потому что после того отпуска на другие фотографии смотрела, где была она загорелая, постройневшая и помолодевшая – оказывается, благодаря этой незнакомой женщине! А после, наслаждаясь красотой своего тела, уже не мыслила себя в другом теле. И, чтобы поддержать эту стройность и красоту, перешла на здоровое питание. Потом пошла заниматься танцами, просто для движения. Потом – плавно перешла на занятия йогой, которые стали не только физической практикой, но и духовным путем.

«Вот это толстуха! – подумала Вера. И уже привычно добавила: – Вот это люди!»

Глядя на стопки своих альбомов, в которых лежали сотни фотографий, на которых присутствовали люди, поняла, осознала впервые: они составляли, наполняли ее жизнь, делая ее жизнью. Каждый из них был кем-то важным для нее. Что-то сделал для нее. Чему-то ее научил. Что-то ей дал. От чего-то спас. К чему-то подтолкнул...

И впервые поняла она их количество и масштаб их участия в своей жизни.

Люди, люди, люди – окружали ее всю жизнь.

Они вели ее по жизни.

Они обижали ее и радовали.

Они давали веру и одиночество, дарили радость и горе, делая ее сильнее, выше, спокойнее, умнее.

Они разрушали. Они возрождали – после разрушения.

Они закаляли ее.

Странно и одновременно хорошо было осознавать: когда один человек разрушал ее – находились другие, которые протягивали руку помощи, помогали подняться, спасали, давали веру.

Когда одни обижали – другие были рядом в беде, слушали ее, или вытирали слезы, или выпивали с ней рюмку, чтобы снять напряжение, или пили с ней чай. Они обнимали ее, веселили, успокаивали, утешали.

И каждый человек слово направлял, передавал ее другому, который тоже поправлял, помогал осознавать себя.

Каждый человек был частью цепочки – ее Пути жизни. И Вера шла по ней – от человека к человеку, от ситуации к ситуации, от опыта к опыту – к себе, к пониманию себя и своей жизни.

И они, люди, были, продолжают быть и будут с ней всегда, проводя дальше – по пути ее жизни.

И уже лежа в постели после долгого этого вечера она все думала о них. Думала просто:

– Люди... Люди... Люди... Хорошие мои, дорогие мои люди...

И лежала, повторяя искренне, от всей души:

– Всех благодарю – за все!

– Всех благодарю – за все...

– Всех – благодарю...

Девочка из фильма

– Ну что, сорок пять – баба ягодка опять?! – прокричала Наташка, как только Светлана открыла дверь, и, войдя, чмокнув подругу в щеку, продолжила все так же громко, как всегда разговаривала: – Ну что, подруга, поздравляю! Дожила, сподобилась...

Снимая сапоги, вешая шубу, она продолжала не говорить, кричать:

– Да, сорок пять – это не шутки! Не каждая баба доживет до такого возраста при такой проклятой бабьей жизни!

Маша, Светина дочь, выглянув из комнаты, сказала сдержанно: «Здрасьте, тетя Наташ...» и дверь закрыла. И Света, слыша это тихое приветствие и тихий стук двери, подумала: «Их величеству это не понравилось! Дал же бог дочь – прям из института благородных девиц, сама воспитанность и смирение! Нет, чтобы выйти, нормально с человеком поздороваться, посмеяться... Нет, ей не до гостей, тем более не до Натальи, с ее простотой. Конечно, она ведь у нас особенная, не как все. У нее все не как у людей. Это мать у нее – обычная, простая женщина, и подруга у матери такая же. Хотя, между прочим, у них обеих университетское образование!..»

В последнее время она каждый раз, когда думала о дочери, чувствовала настоящее раздражение – тоже мне, небесное создание, от земли оторванное!.. От мужа ушла – види-

те ли, разлюбила, ошиблась, не тем он оказался человеком. Другого, нормального мужика, которого Светлана ей предлагала, отвергла. Все ждет любви какой-то неземной, нереальной... Харчами перебирает, сама не знает, чего хочет...

И, пока накрывали они с Наташкой стол, пока доставала она приготовленные к этому дню салатики, нарезки – все в маленьких салатницах, на маленьких тарелках – куда им, двоим, много? – Света продолжала с раздражением думать о дочери. Могла бы выйти, с ними, двумя тетками, посидеть по-человечески, поболтать, мужиков пообсуждать. Винца бы рюмку выпила, глядишь – и настроение поднялось бы, а там – и в жизни бы что-то изменилось.

Но Машка никогда – с самого детства – не принимала участия в их с Наташкой посиделках. Даже когда была она маленькой и Наташка приходила в гости, не хотела она с ними за столом сидеть, в свою комнату уходила. Когда стала подростком – с нескрываемым осуждением смотрела на стандартный этот накрытый стол: несколько салатиков, несколько тарелочек с сыром-колбасой, неизменная бутылочка-другая вина, тортик. Все, как всегда, при их привычных встречах. И по взгляду Машкиному было видно, что не одобряет она ни встреч этих, ни дружбы, ни бабьих посиделок, которые всегда были похожи одна на другую: выпили, побазарили, мужиков пообсуждали, переживаниями своими, обидами поделились, чаю с тортиком выпили, сетуя, что килограммы набирают от тортиков этих вредных. Все как всегда.

Не могла Машка понять по молодости своей, что во встречах этих – пусть обычных, понятных – получали они, две одинокие женщины, друг от друга что-то важное, нужное. То ли поддержку. То ли участие. То ли просто возможность выплеснуть недовольство своей женской судьбой...

Подруги закончили приготовления, уселись за стол, Наташка, подняв бокал, произнесла громогласно:

– Ну, подруга, как говорится, чтобы ты и дальше цвела и пахла!

Они выпили, закусили салатиком, обсуждая, правда ли, что майонез – «легкий», которым Светка салаты заправляла, – на самом деле легкий и не такой вредный, как обычный? И, сойдясь на том, что все одно – вредный это продукт, жирный, калорийный и для них неподходящий, продолжили с аппетитом есть салат.

И только чуть насытившись, Наташка сказала:

– Ну что ж, теперь перейдем к подаркам.

После этих слов она, как фокусник, со словами «алле-ап!», достала из сумки конверт, положила на стол и с загадочным видом произнесла:

– Вручаю тебе, подруга, редкий подарок. Думаю, тебе понравится...

И видно было, что самой Наташке скорее хочется подарок этот Светке показать, но она конвертом этим перед ее лицом помахала, потом – руку с ним за спину завела и сказала та-

инстинктивно:

– Веришь, подруга, я, когда это обнаружила, сама щенячий восторг испытала... Думаю, ты меня поймешь!

И Светлане конверт этот торжественно вручила.

А та на мгновение даже помедлила, перед тем как открыть его. Действительно какое-то волнение испытала она: что там? Уж если Наташку так пробрало, это о многом говорит...

Света конверт открыла, заглянула в него и увидела там фотографию какую-то, старую, это было видно по ее выцветшим краям с мелкими заломами. И она осторожно достала ее двумя пальцами и посмотрела, в первый миг даже не поняв, ни кто, ни что на ней изображено.

Наташка молчала – видно, ждала реакции. А Света, испытывая волнение, вглядывалась, узнавала и не узнавала – фонтан какой-то, группу женщин в рабочих костюмах, козыньках...

Фонтан показался ей каким-то ненастоящим, старым, давно не видела она таких фонтанов, разве что в кино, в какие-то стародавние времена. И тут ее осенило, как вспышка в сознании блеснула – да это же киностудия! Это же они в павильоне на киностудии!

И почему-то даже жаром ее обдало, такое мощное и неожиданное это было воспоминание, и, волнуясь, со слезами на глазах смотрела она на фотографию, разглядывая людей, ища среди них себя, и сразу не нашла, как будто тут ее

и не было, но раз Наташка фотографию эту так значительно подарила, значит – должна она там быть, тем более что Наташку, которая с ней на киностудии практику проходила, она на фотографии узнала – была она там тоненькой, глазастой, совсем не такой как сейчас. Подруга давно располнела, лицо ее округлилось, щеки налились, казалось, даже глаза уменьшились. Только волосы остались прежними – черными, волнами спадающими на плечи.

И тут она увидела себя – на заднем плане, самой крайней, совсем неузнаваемой – с нежным детским лицом, с густой челкой до бровей, тоже глазастую, с каким-то не ее, не Светиным взглядом: открытым и словно вопрошающим, как будто что-то хотела спросить или чего-то ждала...

И ощущение от девочки этой – открытой, ожидающей чего-то, было таким пронзительным, таким глубоко чистым, что Света заплакала. Заплакала тоже по-детски, открыто. И Наташка, увидев такую – ожидаемую, наверное, реакцию, – тоже всплакнула и сказала как-то горько:

– Нет, мать, ты глянь – какие девочки были! Какие молоденькие, совсем дети... О таких и говорят – молоко на губах не обсохло!.. И куда только все делось?! – спросила она и, привычно уже, как всегда после каких-то печальных вопросов – к бутылке потянулась, по рюмке налила и сказала громко, с отчаянием: – Давай, подруга, выпьем, за тех нас, которых больше нет! За молодость нашу, которая, блин – прошла! А какая была молодость!..

И выпила смачно, и рюмку громко на стол поставила. Светлана тоже выпила, только тихо, как будто боялась потревожить что-то в себе. Выпила, и, не закусывая, продолжила фотографию рассматривать, узнавая теперь и других женщин, когда поняла — где это и кто это.

— Вот эта же была старшей у нас, как ее звали? Как-то просто...

— Петровна, — подсказала Наташка, и Светлана головой согласно закивала и добавила:

— Она была не старшей, старшей был мужик, помнишь, большой, высокий такой, над ним все эти женщины тогда постоянно смеялись, что он, мужик, целым цехом баб-драпировщиц командует. А Петровна эта была его замом, она всеми нами больше и управляла. А он только приходил, задание давал, в каком павильоне какие декорации надо тканью обтянуть, с Петровной обсуждал, какие полотна делать надо, кого в какой павильон направлять на работу.

И стали вспоминать они с Наташкой, горячась, радуясь этим воспоминаниям, как попали они, студентки университета, на киностудию на практику. Повезло тогда их группе, что именно их отправили не в колхоз какой-то, не к озеленителям, которые в городе остались и каждый день ездили куда-то цветы высаживать, а на самую настоящую киностудию.

Известие, что они целый месяц будут работать на киностудии, казалось сначала каким-то нереальным. Ну чего они, студенты, могут там делать? Оказалось, нужны там были

просто разнорабочие. И всю их группу распределили по разным цехам: кого к декораторам отправили, помогать декорации делать, их с Наташкой, неразлучных подруг, отправили к драпировщицам, которые ткани в полотна сшивали, потом обтягивали этими полотнами деревянные остовы декораций. На полотнах этих художники рисовали окна или книжные полки, превращая их в стены комнаты, или дома, деревья, создавая несуществующие улицы. Это было настоящее превращение, происходившее на их глазах. И они, особенно в первые дни своей такой странной, неожиданной практики, наглядеться не могли на эти удивительные ненастоящие улицы, заходили в несуществующие квартиры, в которых половина предметов была просто нарисована на стенах.

И как только появлялась возможность – бежали они к какому-то павильону, где стояли декорации к съемке, с волнением заходили внутрь – в огромные павильоны-ангары, в которых умещались улицы и переулки, стояли корабли или колонны барской усадьбы. Это был какой-то удивительный, нереальный – и реальный мир. Мир игрушечных, ненастоящих предметов, квартир, улиц, городов. Мир разных времен и событий...

А как они любили смотреть на съемки! Какое это было волнующее зрелище – оживающий мир, в котором люди из массовки в костюмах, атрибутах определенного времени занимали свои позиции, двигались, взаимодействовали – и на фоне этой ненастоящей жизни на первом плане – главные

герои начинали свое действие, говорили какие-то слова, звучало: «Мотор! Съемка!» – снимался фильм...

Сколько эмоций получали они, две девочки-провинциалки, живущие в студенческом общежитии, всего лишь год обучавшиеся в университете, все еще шальные от самого ощущения, что они живут в таком огромном городе, учатся в университете. В первые дни своей практики они поверить не могли, что оказались в центре такой потрясающей, удивительной жизни, в центре съемок кино, настоящего кино, в возможностях видеть, как снимается кино, как строятся декорации, как оживают улицы и площади искусственных городов, как наполняются они людьми из массовки, делая эту нереальность реальностью.

Каждую свободную минуту, почти все время перерыва, наскоро перекусив, они мчались в какой-то павильон, чтобы увидеть кусок этой – каждый раз разной, другой, нереальной – жизни.

Здесь снимали Островского, и дамы, одетые в платья с затянутыми корсетами, готовились перейти дощатый тротуар несуществующего города.

Здесь разыгрывалась драма: мужчина уходил от женщины, уходил навсегда, и она лежала ничком, устав от слез, – и тишина стояла на съемочной площадке...

Здесь иностранный шпион сидел в роскошной «иностранной» квартире, а на столе перед ним лежали пачки иностранных сигарет (пустые пачки сигарет – они с Наташкой после

съёмки смотрели) и стояла бутылка виски, (в бутылке была обычная вода, Наташка потом даже попробовала!).

И это постоянное ощущение волшебства, возможности увидеть такое, чего не могли увидеть обычные люди, на мгновение пожить возможной – другой и незнакомой – жизнью волновало, будоражило. И они, наполняясь этими эмоциями, переживаниями в течение дня, продолжали обсуждать их и по дороге домой, и вечером в комнате общежития.

Сейчас, погрузившись в воспоминания, забыв о Светланном дне рождения, подруги вспоминали киностудию, себя – тех, какие они тогда были...

– А помнишь, как мы в перерыве на лавочке сидели, а к нам Евгений Леонов подсел?

– Да, мы с тобой тогда прямо обалдели – живой Леонов к нам садится, да еще с нами разговаривает!

– А он же нам тогда что-то сказал... – вспоминала Светлана, и глаза ее блестели, словно, только что, недавно все это происходило, и было так в ней живо. – Он сказал что-то типа: «Ну что, девчонки, неохота работать?»

– Да, да! – горячо поддержала ее Наташка. – Он так и спросил, и сам сказал: «И мне неохота...»

– Да, это было круто, как сейчас говорят. Такой человек – рядом на лавочке сидит и с нами разговаривает!..

Подруги помолчали, погрузившись в воспоминания, и на лицах их было что-то такое – мягкое, светлое, видно было – в хорошие воспоминания они погрузились...

– А помнишь, фестиваль тогда был, делегация актеров по киностудии ходила, помнишь? Мы все хотели кого-то узнать, лицо какое-нибудь знакомое увидеть...

– Да, точно, был какой-то кинофестиваль, нам тогда дядька этот, начальник наш, билеты приносил, мы же с тобой ходили на просмотры...

– Ну да, ходили, правда, не помню, чего смотрели, но здорово было: просмотр, актеры, режиссеры, как сейчас говорят – тусовка их...

– А помнишь, мы комнату обтягивали, из нее потом декораторы настоящий будуар сделали, а мы с тобой там чай пили после работы...

– Ага, прикольно было... Нас тогда кто-то оттуда прогнал...

– Да, ассистент режиссера, помнишь, девчонка такая важная ходила...

– А помнишь, как Петровна тебя за рукавицы ругала, что ты правых рукавиц нашла, а левой – ни одной?

– Ага, это ведь она сама мне заготовок выдала на правую руку, а на левую – не дала, и я, дурочка молодая, старалась, шила, а мне вместо доброго слова – мат-перемат...

– Да, ругаться они могли, еще те тетки были... А ты тогда, тихоня, хвост поджала, только мяукала чего-то в ответ: «Вы же сами...» Ты тогда такой тихой, молчаливой была – помнишь? Не то что сейчас... Сейчас бы глотку свою луженую открыла... Нет, как все же люди меняются, – сказала Свет-

лана, словно только сейчас осознав, как изменилась за годы их дружбы Наталья. И подумала: как из такой молчуньи и скромницы получилась такая громогласная норовистая тетка?! А сама она, Света, какой стала? Разве скажешь, что была она когда-то этой девочкой – славной, милой, мечтательной?..

И на фотографию посмотрела – как на подтверждение своих мыслей, где эти две девочки славные запечатлены были...

Наташа ушла. На кухне был порядок – Наташка всегда в конце их посиделок мыла посуду, вытирала стол.

– Как будто так и было! – говорила она, довольная собой. – А то что это за гости – придут, насвинячат и уйдут...

Машка затихла в комнате. Пора было спать, но спать Светлане не хотелось. Так взбудоражили ее эта встреча со своей молодостью, с киностудией, что было не до сна.

И она, стоя у окна, глядя на ночной город, ощутила, как будто было это сейчас, совсем недавно – удивительное это, радостное чувство, с которым просыпалась она в своей комнате в общежитии. Было это чувство постоянным, как фон, в котором она тогда жила: радость и удивление, что живет она в таком огромном городе, что она – студентка университета. И радость тогда, летом, что, накинув на себя легкие платья, наскоро умывшись, они с Наташкой, подругой ее, поедут на киностудию, в удивительный, нереальный – сказочный мир.

Ей вспомнилось сейчас, как будто она почувствовала это наяву, – ощущение свежего летнего утра, запах свежеполитого асфальта, доносящийся в окно троллейбуса, легкий ветерок и их с Наташкой радостные лица: они едут на практику на самую настоящую киностудию, где снимается кино!

И подумала она с нежностью, со слезами на глазах: «И вправду, какие девочки были – молодые, радостные, жизни открытые!.. Какая жизнь тогда была – ежедневная радость, волнение, ожидание чуда. Не то что теперь...» – оборвала она себя горько и пошла спать, словно устав от этих воспоминаний.

Но заснуть не могла. Так и блуждала ее память по коридорам киностудии, когда ходили они с Наташкой оформляться на практику, все еще не веря в свое счастье, разглядывая каждого встречного, ожидая увидеть известного актера или режиссера.

Вспоминала она комнату их большую в драпировочном цехе, в котором стояли столы со швейными машинками, лежали рулоны тканей, стопки рукавиц, которые сами драпировщицы и шили, без которых нельзя было обойтись в их обойном деле.

Вспомнила, как в обеденный перерыв выходили они с Наташкой в небольшую зеленую аллею, садились прямо на траву под березой и наспех съедали нехитрый свой обед: пару бутербродов, приготовленных дома, и яблоко или бутылку молока с булкой – не больно-то разгуляешься на студен-

ческую стипендию, а в столовую или кафе ходить было накладно.

И тут – словно подумала о чем-то важном, таком, что обязательно надо вспомнить, – она встрепенулась, и сонное, ослабленное состояние как рукой сняло. Что-то такое было в воспоминаниях этих, что ее разбудило, даже встревожило. Это кафе! Конечно же, кафе, в которое они с Наташкой пару раз заходили, но которое им было не по карману.

Зайдя в него в первый раз, они поразились, увидев очередь, в которой стояли люди из массовки в костюмах разных эпох, ролей, характеров. Стояли буднично, словно в обычной очереди – рыцарь и старушка в розовом воздушном платье, похожая на добрую фею. Стояли в ярких туалетах танцовщицы из водевиля и «нищие», одетые в рванье.

Они с Наташкой еще пару раз заходили в это кафе, чтобы поглазеть на удивительное зрелище. Брли стаканчик с чаем или кофе, садились за столик и просто смотрели на публику, наслаждаясь атмосферой массовки, съемочных разговоров. И пару раз среди этих людей, которые специально приходили сюда, чтобы, хоть на заднем плане, хоть на мгновение оказаться на экране, встречали они настоящих, известных актеров.

И после этой мысли сразу понятно стало Светлане, отчего так взволновало ее воспоминание о кафе...

...Она глазам своим сначала не поверила, когда увидела

его. Его – любимого своего актера, в которого еще девчонкой была влюблена. Был он настоящим красавцем, был он знаменит после главных ролей в нескольких фильмах. В таких и влюбляются обычно все девчонки. И он – самый настоящий, живой ОН – встал за Светланой в очередь, когда решила купить кофе с пирожным (родители денег прислали, и можно было немного себя побаловать).

– Вы крайняя? – прозвучал глубокий, бархатный мужской голос, и она, обернувшись, чтобы ответить, увидела его, ЕГО. И не сказала ничего – просто не могла говорить, так пару мгновений и стояла, глядя на него во все глаза. Потом только головой кивнула и отвернулась, чувствуя, как внутри ее словно жаром обдало. Вот это да! Жаль, Наташки рядом нет – приболела она и два дня практики пропустила. И Светлана уже представлять начала, как вечером будет рассказывать подруге, как подошел к ней САМ и спросил...

И не успела представить, потому что рука ЕГО провела по ее волосам, и она встрепенулась и даже испугалась от неожиданности. И почти у самого уха услышала вкрадчивое:

– Какие волосы...

И он опять рукой провел по ее волосам – действительно красивым, густым, с медным отливом, волнистым, спускающимся ниже плеч.

– Какие роскошные волосы, – повторил он уже громко, словно стремясь привлечь к себе внимание...

И она зарделась, засмушалась и похолодела внутри. То,

что он, любимый ее актер, стоял тут, живой, не экранный, да еще и прикоснулся к ее волосам, да еще похвалил их, лишило ее всякой уверенности. Она растерялась, в голове стало пусто, она ничего не сказала в ответ, только посторонилась от него и отвернулась, чтобы он не видел ее лица, которое – она не сомневалась – было сейчас красным, как маков цвет.

Но он продолжил к ней приставать, словно и не заметил ее смущения.

«Заметил, заметил, подлец», – подумала Светлана теперь. Заметил, как ребенок этот чистый, каким она тогда была, растерялся, засмутился, потому и продолжил ее смущать. Впрочем, для него, видно, это было настолько привычное, естественное дело – к девочкам молоденьким клеиться, что, может, ничего он и не заметил. Такие вот красавцы – эгоисты, только о себе и думают, только своего и добиваются. Сейчас она – взрослая женщина – ой как хорошо это понимала. Но та девочка...

Та девочка, которой она тогда была, только похолодела внутри и застыла, замерла, когда он опять провел рукой по ее волосам, провел медленно, как-то значительно, как будто приручал ее, приучал к себе. А он, приблизив свое лицо к ее лицу, так, что почти касался ее щеки, сказал ей на ухо – но не тихо, а нарочито громко:

– Поехали ко мне пить шампанское и валяться голыми на ковре...

И она не знала даже, что ответить на такое предложение,

как отреагировать и вообще – реагировать ли. И от непонятливости своей, от растерянности, – слышала только сердцебиение свое и почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы – от обиды? от смущения? от ужаса? – что с ней такое – ТАКОЕ! – происходит.

И опять уже эта, взрослая Светлана, подумала с грустью: «Господи, вот детка-то была чистая и наивная!» Сколько таких предложений – на порядок хуже, циничнее, непристойнее, она слышала потом в жизни. И находила, что ответить, как отшить, чтоб мало не показалось. Но тогда – казалось ей это таким... ТАКИМ!..

Сейчас, как и тогда, она даже слов не находила, чтобы то свое состояние описать. Вспомнила только, как возвращалась она в свой цех с обеда и казалось ей, что щеки до сих пор горят, что всем видно, что с ней сейчас ТАКОЕ произошло!

«Господи, вот ведь какая девочка была – нежная, ранимая, чистая...» – на мгновение даже странным ей показалось, что это она о себе так думает. Что когда-то она такой девочкой была...

Сейчас она, взрослая Светлана, долго лежала, все никак не могла заснуть, встревоженная всеми этими воспоминаниями, чувствами, мыслями. Лежала, ворочалась с боку на бок, думала о том времени, той своей юношеской жизни, вспоминала общежитие, в котором жила и в котором ой как трудно ей было жить! Была она домашним ребенком, скромной, воспитанной девочкой, и жизнь в общежитии, когда вся твоя

жизнь напоказ, когда надо уметь за себя постоять и самостоятельной быть, давалась ей трудно.

Когда воспоминания эти утихли в ней и она наконец заснула, снилось ей что-то оттуда, из той жизни, и сон был беспокойный, как будто что-то тревожило ее во сне. Она проснулась, почти и не поспав толком, и лежала опять – в тишине, вспоминая, как будто что-то важное вспомнить должна была.

И вспомнила опять – себя на фото, с таким проникновенным детским лицом, с таким вниманием смотрящую в камеру, как будто ждала она чего-то – от снимка этого, от каждого мгновения жизни...

«А она и ждала», – подумала Светлана. И вспомнила опять настроение свое ежеутреннее, когда просыпалась она в узкой кровати в общежитии и впереди был целый день – неожиданный, радостный день в прекрасном городе; день, насыщенный занятиями, общением и прогулками по улицам, в метро, в толпах людей, среди которых где-то же ходит он и – как думала она, свято в это веря, – тоже ждет ее, тоже хочет скорее встретить... И там, в ожиданиях детских, была и будущая ее жизнь – удивительная, интересная, счастливая, еще неизведанная...

Как будто со стороны увидела она эту девочку, открытую жизни, открытую людям, совсем еще ребенка – наивного, в жизни ничего не понимающего, но ожидающего только лучшего...

И подумала невольно с каким-то уважением к девочке этой: «Вся ее жизнь тогда была – как новый фильм, в котором каждый день дарил радость, в котором было возможно все, в котором где-то неподалеку ходила ее любовь, с которой она обязательно должна встретиться, в котором было все уже так хорошо, как и должно быть в хорошем фильме. И она, девочка эта, уже жила внутри этого прекрасного фильма, свято веря в счастье».

Она вдруг вспомнила, как купила мороженое всем работницам в драпировочном цехе и деньги за него брать отказалась. А ведь получала стипендию сорок рублей, да родители рублей двадцать присылали, и каждая копейка у нее была на счету. Но такое у нее было хорошее настроение, когда шла она на свою удивительную практику, что купила она себе мороженое, и, мгновение помедлив, купила еще – восемь? десять? – пачек, чтобы всех угостить. И ведь действительно денег не взяла, хоть все эти тетеньки, понимая, какие деньги могут быть у приезжей студентки, старались ей по двадцать копеек отдать.

«Вот дурочка была! – подумала она уже привычно, как о дочери своей бестолковой думала. И тут же почувствовала внезапную неловкость от таких своих мыслей. – Почему же дурочка? Хорошая, светлая, добрая девочка, которая о счастье мечтала и настроением своим делилась...»

И показалось ей, что думает она о себе как о чужом человеке.

«Да, какая девочка была, – подумала она о себе опять как о чужой. – Скромная. Тихая и добрая... Как Маша. Та вечно всем помогает, всех кошек у подъезда подкармливает».

И словно открытие сделала, о дочери своей вспомнив. Ведь Машка, – точно такая, какой она когда-то была. Только она, Светлана, перестала такой быть, а Машка – остается и не соглашается быть другой...

Ей вдруг стало стыдно чего-то, чего она и сама не понимала в этот момент. И опять сон как рукой сняло. Она лежала, открытыми глазами уставившись в потолок, вспоминала себя ту – которая была тогда, как Машка сейчас: чистая, ожидающая, верящая в какое-то свое хорошее кино...

И только сейчас, как будто именно к этому воспоминанию добиралась она долго, весь вечер – так глубоко оно было закрыто, она вспомнила, как однажды во время перерыва успели они с Наташкой сбегать в павильон, где снималась любовная сцена. Вместе с несколькими рабочими, немногочисленной массовой, молча смотрели они, как лежащие в освещенной софитами постели мужчина и женщина – известные актер и актриса – изображали объятия, страсть. И видно было всем, что не очень-то у них это получалось, и режиссер сердился, снимая дубль за дублем, и повторял ворчливо:

– Больше страсти... Больше... Ну хоть на мгновение представьте, что вы друг другу приятны!..

И так интересно им с Наташкой было все же дожидаться – появится или не появится в их объятиях страсть, что забыли

они о времени и спохватились, когда прошло уже более получаса после окончания обеденного перерыва.

Примчавшись в свой цех, зайдя в комнату, где собрались женщины-драпировщицы и несколько заглянувших к ним товаров – уборщиц, работниц транспортного цеха, – смущенно объяснили свое опоздание:

– Там сцену любовную снимали – интересно было...

И эти взрослые женщины, – простые, необразованные, часто выражающиеся крепко, с матерком, ответили им неожиданно – слаженным хохотом.

Света с Наташкой смутились окончательно, а одна из женщин сказала:

– Вишь ты, и у них – любовная сцена... – И, видя их смущение, добавила миролюбиво: – Да вы не смущайтесь, мы тут тоже любовные сцены вспоминали...

И женщины опять захохотали, а одна из них, продолжила прерванный разговор:

– А муж мне и говорит: «Ты чего так долго, где тебя носило?» А я возьми да чуть и не ляпни, что Петька никак кончить не мог, да вовремя спохватилась...

Женщины опять грохнули хохотом и не успели еще успокоиться, как вступила в разговор пожилая, как казалось тогда Свете, женщина, «А ведь ей лет сорок – сорок пять, как мне сейчас, наверное, было», – она покачала головой: как все по-другому смотрится изнутри этого возраста!

– А я с одним мужиком однажды прям под балконом его

в кустах забавлялась. Так мы в раж вошли, что уже все равно было, где. И прямо тут же, под его окнами дела делали, а жена его возьми да на балкон и выйди, и начала его звать, а мы тут, прямо перед ней в кустах лежим, он на мне голой задницей сверкает... Ну, как говорится, Бог милостив, пронесло, ничего она не заметила, темно уже было... А я, честно, со страху чуть не обделалась... – весело добавила она, и женщины опять засмеялись – громко, весело.

Только Света не смеялась, да Наташка, которая весь этот разговор так и просидела в углу за столом тихо, как мышка. И Света, пока все хохотали и обсуждали товарку – мол, вот какая бедовая, а с виду – тихоня, никогда не подумаешь, что такое вытворять может, – тоже к Наташке перебралась, и они, не сговариваясь, не глядя друг на друга, как будто неловко, стыдно им было, разложили на столе ткань, взяли лекала и принялись заготовки к рукавицам вырезать.

Им действительно было стыдно – нестерпимо стыдно, даже страшно, что вот так – откровенно, грязно – женщины о таком таинственном, прекрасном и чистом, как им, девочкам, казалось, говорят. Да и не то было страшно, что они такое говорят. Страшно – что они такое делают, что делают они это так просто, некрасиво, нечестно, грязно – как в чистых картинах их будущей жизни, в их хорошем кино быть не должно...

А простые работницы, войдя в веселое это, игривое настроение, успокоиться не могли и обсуждать стали другую

товарку свою, которая с рабочим из соседнего павильона, как они выразились, шашни завела, и который в последнее время, их словами выражаясь, от нее «морду стал воротить».

– А ты письмо ему напиши, мол, забыть тебя не могу, тоскую, мол... – предложила одна.

– Да, напиши, напиши! – поддержали идею женщины, и кто-то из них озорно предложил:

– Пусть тебе девчонки – студентки образованные подскажут, как покультурнее письмо написать так, чтоб его назад развернуло.

Эта идея понравилась всем женщинам, еще больше – той, которой письмо это было нужно.

– Ну-ка, девки, давайте, помогите письмо написать!

Как ни отнекивались они с Наташкой, полностью смущенные таким предложением, как ни пытались отшутиться, что, мол, и опыта у них нет, и писем они не писали никогда, – это только подзадорило работниц:

– Так вы и пишите, как бы парню своему писали, чтобы напомнить ему, чего между вами было, – не отставала женщина.

Светлана сдалась и сказала слабо:

– Ну, я бы написала: «Я не могу забыть тебя...»

В полной тишине – женщины внимательно слушали ее тихий голос.

– Я помню наши встречи... – продолжила Света, почему-то волнуясь, словно действительно писала вслух это пись-

мо любимому своему парню, которого у нее и в помине еще не было. – Я помню твой взгляд, когда ты смотрел на меня – и между нами было что-то волшебное... Я помню твои руки, твои нежные руки, когда ты прикасался ко мне... Я не могу забыть твои слова...

– Я не могу забыть твой член! – в Светланиной интонации, но громко, и оттого неожиданно сказала женщина, попросившая ее написать письмо, и все взорвались хохотом.

– Я не могу забыть твой поцелуй... – продолжила Света тихо, зардевшись, сделала вид, что не слышала этой циничной фразы.

И в ответ – раздалось громкое:

– Ха-ха, ему не до поцелуев, ему бы вставить скорее...

И – шквалом – хохот.

– Я помню твои слова, которые ты мне сказал на прощанье... – Упрямо, продолжала Света, словно не слыша ни хохота этого, ни резкого, громкого голоса этой страшной в цинизме своей женщины:

– Чего ему говорить? Он свое получил! Кобелина еще тот – по заднице рукой шарахнул и пошел к своей – лапшу на уши вешать, как соседа встретил и заговорился, не заметил, что время позднее... Умеет он это делать – врет и не краснеет...

– Да, девки, не тому вас в университетах учат! – сказала одна из женщин и добавила, дурашливо коверкая интонацию:

– Я не могу забыть твои слова...

– Я не могу забыть, как мы трахались в кустах под балконом! – выкрикнул кто-то, и все заржали, захохотали.

И хохот этот, и слова эти жуткие, циничные, жестокие для них, девочек чистых, словно подкинули их с места. Они вскочили и быстро вышли из комнаты, из здания и молча, словно стыдно им было даже говорить об этом, – пошли на аллее на свое привычное место, сели под березой и сидели молча, друг на друга не глядя.

А когда все же посмотрели друг другу в лицо – не сговариваясь головами покачали, и этим все было сказано – как же можно так?! Ведь нельзя же так?!

Каждая, сидя рядом с подругой, думала об одном: так не должно быть, так нельзя! Так – нельзя!

И думала та чистая, светлая и наивная девочка, какой Светлана была тогда, что никогда-никогда она так ни говорить, ни думать, ни делать не будет! Никогда! Что у нее совсем другая будет жизнь. Что у нее обязательно будет любовь настоящая, чистая, как в хорошем кино.

И так сильно в ней сейчас было это воспоминание, что она села в постели и даже головой замотала. Так не должно быть – не должно быть в жизни пошлости и цинизма и того страшного, что было в женщинах этих, – словно они лишены были чего-то святого, чистого, что должно быть в женщине обязательно, обязательно-обязательно, без чего женщина – не женщина. И она опять головой замотала, даже не умом

понимая, а чувствуя, что сама уже этого давно лишилась, и подруга ее тоже. Что сами они стали похожи на тех теток, с их прагматизмом, бесчувственностью и холодным цинизмом – в том, в чем действительно нужна святость и чистота. И она опять головой замотала и вслух произнесла:

– Как? Где? Когда я потеряла все это? Где и когда я перестала верить, как девочка моя – светлая, которая жила во мне?

И опять – словно фильм наблюдая, сидела в постели и смотрела в темноту, словно перед ней, как на экране, показывали жизнь той девочки из фильма, которая верила во все самое лучшее, ждала любви, которая, когда придет, будет такой вот – высокой, верной, чистой, от которой сердце будет замирать и дыхания не хватать и которая – навсегда!

И образ этот, видимый только ей одной, стал растворяться, гаснуть, пропадать. Она перенеслась в реальность, где сидела в постели взрослая женщина, тяжелая, плотная, с недоверчивым взглядом на все, с ожиданием подвоха, расчетливым умом и холодным сердцем.

И мысль эта – о холодном сердце – словно опять встряхнула ее: ей вдруг действительно показалось, что сердце за жизнь остыло, похолодело, замерло, не участвовало в ее жизни, только стучало, как бездушный механизм, не давая ни тепла, ни надежд, ни веры во что-то, во что еще верить надо было.

Она опять с тоской подумала: «Как? Когда? Почему про-

изошло это?» Как из девочки, миру открытой и верой наполненной – такая вот бесчувственная баба получилась, которая с подругой – такой же, как она, всю свою детскость, веру и чистоту потерявшей, – вот так же сидят и мужиков, романы свои неудачные обсуждают, в той же интонации, что тетки те из ее детства – страшные. Разве что без мата обходятся, считая себя интеллигентными женщинами с университетским образованием.

И подумала сокрушенно: незаметно это как-то происходило. Сначала в этом городе ей очень хотелось остаться, чтобы быть здесь, ходить по музеям, жить в его атмосфере – в этом прекрасном кино. Потом появился Павел, хоть и не по душе он ей был сначала. Но Наташка, боевая, более практичная, не раз сказала мечтательно:

– Повезло тебе – можешь за него замуж выйти и здесь остаться.

И мысль эта так ее захватила, так хотелось ей продолжать жить в этом прекрасном фильме, что она на Павла согласилась, что-то предав в себе – сейчас она это ясно понимала.

И как-то незаметно начались согласия, уступки, предательства – самой себя. Сама не замечала, как верить переставала, как чистоту свою теряла, как самой собой быть перестала. И все чаще они с Наташкой, тоже зацепившейся за одного парня – нелюбимого, но, как подруга говорила, подающего надежды, – сидели и обсуждали мужиков своих, надежды эти не оправдавших, и себя – несправедливо обиженных.

Так незаметно и происходила подмена эта – девочек чистых, в любовь свято верящих, в необыкновенный свой сценарий фильма, в котором жить они будут, – в рядовых, обычных теток, на женщин уже мало похожих, живущих одним умом, да просчитывающих каждый свой шаг.

– Кончилось кино, – сказала она в тишине ночи и заплакала вдруг, неожиданно для самой. И плакала, тихо носом шмыгая, как в детстве, над фильмом своим, закончившимся так незаметно. Над разрушенными собой же мечтами. Над всей своей жизнью – вроде даже успешной, в которой не хватало только самого главного – ее самой в первозданной своей чистоте и вере.

«Так не должно быть, – она даже плакать прекратила. – Не должно на этом кино заканчиваться. Нельзя с этим соглашаться. Ведь, если согласиться с этим, то зачем дальше жить – в холодной этой жизни, в которой сердца нет, и веры нет, и любви нет?

Светлана почему-то в сторону Машкиной комнаты посмотрела – как будто сейчас опять ей стыдно стало, как тогда, когда она девочкой этой чистой была. Только сейчас стыдно было за себя – черствую, циничную. И подумала она с тихим ужасом, что ее такую к дочке вообще подпускать нельзя – она только все испачкать может... На мгновение ее даже ужас охватил: она ведь теперь сама стала такой, как женщины те, которые так холодно и цинично над каждым словом ее «любовного» письма смеялись.

И вспомнила, как уговаривала Машку выйти замуж за сына своего начальника, а та заупрямилась, возмутилась:

– Мам, ну как ты можешь мне такое предлагать?! – и, заплавав, убежала в свою комнату, громко хлопнув дверью, чего никогда раньше не делала.

А она, Светлана, все пыталась объяснить дочери, что надо соглашаться, что такие предложения два раза не поступают и что это всем будет выгодно: и дочке хорошо будет замужем за сыном такого папаши, и матери хорошо – она по службе продвинуться сможет, будет спокойна за свое будущее.

Но дочь даже говорить на эту тему отказывалась. Молча отворачивалась, уходила к себе и в комнате закрывалась. А она, Светлана, злилась, думала гневно: «Начиталась книжек, романов всяких – любовь ей подавай великую! А надолго эта любовь-то?!»

И говорила раздраженно, но высокомерно – как ей казалось, с позиции своего жизненного опыта:

– Любовь любовью, дорогая, а кушать хочется всегда, и хочется хорошо кушать. А ты в таком браке будешь как сыр в масле кататься. И что тебя не устраивает? Что он старше тебя? Так это не критично – всего-то на десяток лет, не за старика же идешь! Что не писанный красавец? Так с лица, как известно, воду не пить.

«А она ведь, как я от предложения актера этого – то же самое почувствовала... Ту же гадливость, испачканность, – подумала вдруг Светлана. И похолодела даже: – Да как же

я могла ТАКОЕ родной дочери предложить, как актер этот испорченный?!»

И вскочила с постели, словно это неожиданное осознание вытолкнуло ее. Набросив халат, пошла к Машке – прощения у нее просить? Каяться? Сама не знала, что делать будет. Знала сейчас только одно: так, как делала раньше, делать не станет. В такой жизни, как жила, жить больше не хочет. И такой, как была еще недавно, не будет...

...Она стояла перед комнатой Машки, за которой чистый ее ребенок спал.

И так понятна сейчас была ей Машка – ее ожидания счастливой любви, ее чистота, вера и несогласие со всем, – словно не Машка была там, за дверью, а она сама, Света.

И подумала она, что беречь надо чистоту эту детскую, дорожить ею – только так можно свою жизнь сложить, свой фильм прожить – в какой веришь, какой хочешь... И вслух произнесла – тихо, с нежностью:

– Ничего, детка, все будет хорошо... Я тебе помогу в этой жизни держаться... Я – та девочка из фильма – тебе помогу, чтобы ты не стала такой, какими те женщины были... Какой я сама стала...

И подумала вдруг: «Да чем же я Машке моей – чистой, верящей – помочь могу? Это она мне помочь может – чистой своей».

Приложив ухо к двери, за которой дочь ее спала, слов-

но желая расслышать ее дыхание, Светлана подумала умиротворенно: «Нас теперь двое... Будем друг другу помогать. Как две девочки из фильма, который только сниматься будет... – И улыбнулась мягкой, давно уже ей не свойственной улыбкой: – Будем, детка, новое кино снимать...»

И, пошла, спокойная, спать в свою комнату...

Медвежонок в Пути

У нее было что предъявить родителям, и список ее претензий, обид был немал.

Папа ее был человеком со сложным характером, извожившим семью своими диктаторскими замашками. Мама была жертвой, заглядывающей ему в глаза, находившей утешение в работе, на которую она уходила на целый день. Бабушка была запуганным жизнью существом со всеми мыслимыми и немыслимыми страхами – от подготовки к следующей неминуемой беде (складывая обмылок в банку, не выбрасывая старые вещи – вдруг на черный день пригодятся) до: «Ты за чем в гостях столько ела – люди скажут, тебя дома не кормят!»

«Ну и семейка!.. – не раз думала она. – В них столько всякого «добра» намешано было, а я в «добре» этом жила...»

Сейчас, давно став взрослой, создав свою семью, она частенько раздраженно думала: «Угораздило же в такой семье родиться...»

И с годами, взрослея, учась лучше понимать себя и жизнь, она еще больше увеличивала список претензий родителям. Именно сейчас, создав свою семью, став мамой, стала понимать она, как важна атмосфера в доме, как нужна ребенку родительская любовь. Как родители – своим отношением, оценкой, самими собой, своими характерами – формируют

характер ребенка, а вместе с этим – и всю его жизнь, судьбу. И как она могла не возмущаться, не обижаться на своих родителей?!

Папа не одобрял женского воспитания, ругая «бабье царство», как он называл свою мать и жену, за то, что они портят дочь своими потаканиями, что балуют ее. И воспитывал ее по своему – всегда строго разговаривая, а иногда за провинности, которые, по его мнению, требовали наказания, и в угол ее ставил.

Бабушка – папина мама – страшила, пальцем ей грозила, да по любому поводу людей вспоминала: «Что люди скажут... Что люди подумают... Как люди посмотрят...»

Мама постоянно работала, и, испытывая перед ней, Таней, чувство вины, что не воспитывает ее как нормальная мать, не сидит с ней дома – задаривала подарками и вкусняшками, компенсируя тем самым свое отсутствие. Как будто новая юбка, купленная втридорога, или принесенные домой пирожные могли заменить ей – близость, душевность, в которой она, ребенок, так нуждалась.

И она росла – сама по себе, в себе. В одиночестве переживая свои детские проблемы, которые казались ей огромными – так она была мала перед ними. Сама с собой переживала свои детские – и совсем недетские комплексы, свою неуверенность, сомнения в том, что она такая, какая есть – вообще, хорошая, нормальная... Господи, да мало ли в детской голове бродит мыслей – и глупых, и непонятных растущему

человеку: о себе самом и о жизни, в которой он жил, которая его ждала там – за границами детства.

Сейчас, став взрослой, умной, растущей, она читала умные книги по психологии, чтобы понять себя, свою жизнь. А после рождения ребенка начала ходить на умные семинары по воспитанию детей, чтобы стать хорошей мамой, внутренне гордясь собой – вот, мол, не чета моим родителям, которые сами не ведали, что творили, и настоящей родительской любви, в которой она так нуждалась, ей не дали.

Однажды на семинаре по осознанному родительству, когда обсуждали трепетный, ранимый мир ребенка, вспомнила она забытую ситуацию из своего детства, которая тронула ее до глубины души.

Было ей семь лет, училась она в первом классе и сам факт своего ученичества приняла тогда очень болезненно: Таня была домашним ребенком и все детство провела рядом с бабушкой – мама рано вышла на работу. И жила она в этой запертой жизни, не зная других детей, практически не общаясь со сверстниками, разве что по праздникам, когда собиралась их большая семья и приходили папины братья с женами, с детьми, она узнавала, постигала других детей.

Целый день малышня, как называли их взрослые, вместе играли, вместе ели за отдельно поставленным для них во дворе столом, вместе ходили на пруд. Но и тогда общение это было для нее одновременно интересным, даже волнительным – и очень тяжелым: не умела она с другими детьми об-

щаться, была зажатой, привычно замкнутой, и ее двоюродные братья-погодки, и двоюродная сестра – на год младше Тани – сплачивались против нее. И подсмеивались над ней, над ее скромностью, иногда по-детски жестоко проходились и по ее внешности, мол, нос курносый, к небу задран и сама она в кучеряшках, как баран... Она обижалась, так ранили ее эти насмешки, и отстранялась от них – наблюдая со стороны, как дружно они садятся за стол, как дружно играют, бегая по двору за мячом. И дети эти – другие, как ей казалось – совсем не такие, как она, словно они были сделаны по-другому, быстро забывая свои колкости, звали ее: «Танька, давай, лови мяч!» И она опять не понимала: смеются они над ней или неужели так быстро забыли, что только что обижали ее...

Она не любила вспоминать свое детство именно потому, что было оно у нее все в таких вот непонятках, в каких-то постоянных вопросах, ответы на которые она находила только сейчас – затем и ходила на семинары да умные книги про личностный рост читала.

И, вспоминая на семинаре ситуацию, случившуюся в первом классе, думала о том, что, конечно, сложно ей было, такой неподготовленной, в школу идти. И в этом тоже проявлялось отсутствие родительской любви – ведь не позаботились они о том, чтобы заранее адаптировать ее к детскому коллективу. Разве можно было ее в такой изоляции от детей воспитывать, зная, что ей потом в школу идти к этим са-

мым детям, что ей нужно учиться за себя стоять, и с другими детьми отношения строить?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.